

НАУЧНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В ФОРМИРОВАНИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ



О. А. Артемьева

Иркутский государственный университет,

Иркутск, Россия,

e-mail: oaartemeva@yandex.ru

В статье обозначается проблема динамики формирования методологического единства советской психологии. Основное внимание уделяется роли научных дискуссий в ее реализации. По итогам анализа философских и науковедческих подходов дискуссии определяются как универсальная характеристика коллективной научной деятельности. На основе историографических материалов истории советской психологии представляются причины, ход и результаты научных и идеологических дискуссий 1920–1950-х гг. о предмете, методах и месте психологии в системе научного знания. Прослеживается динамика историографических представлений советских и постсоветских исследователей Е. А. Будиловой, А. А. Смирнова, А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского, В. А. Кольцовой, С. А. Богданчикова и др. Разводятся понятия научной и идеологической дискуссии. Вскрывается амбивалентный характер влияния идеологических дискуссий на развитие психологии в СССР. Делается вывод о значении полемического опыта, накопленного советскими учеными в ходе дискуссий 1920–1930-х гг., для конструктивного исхода дискуссий в связи с Павловской сессией 1950 г. Как результат научных и идеологических дискуссий 1920–1950-х гг. рассматривается методологическое единство ученых, основанное на общности понимания целей, предмета и методов советской марксистской психологии. Вскрывается парадоксальный характер влияния дискуссий как обусловивших не только прогресс научного познания, но и консервацию, поддержание неких устойчивых методологических характеристик психологии в СССР.

Ключевые слова: научные дискуссии, идеологические дискуссии, история психологии, советская психология.

DOI: 10.7868/S181926531802005X

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-1443.2017.6, частично — гранта РФФИ № 17-36-01096 «а2»

Для цитаты: Артемьева О. А. (2018). Научные и идеологические дискуссии в формировании методологического единства советской психологии // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 73–88.

В современной истории психологии все чаще советская психология представляется как некое методологическое единство. Помимо исходного признака («психология в СССР»), объединяющего все теоретические подходы советских авторов, выделяются специфические черты.

В частности С. А. Богданчиков к ним относит: марксистско-философские основы, партийно-идеологические функции и задачи, монолитное единство, передовой и воинствующий характер (Богданчиков, 2000). На существовании целостной научной психологической школы совет-

ской психологии настаивает В. А. Кольцова. К числу наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии XX века, автор относит объективный подход в исследовании психики, естественно-научную ориентацию психологии, высокий теоретический уровень и отсутствие позитивистских тенденций, комплексность и системность психологического анализа и т.д. (Психологическая..., 1997; Кольцова, 2001). Особое внимание автор уделяет значению сформировавшегося единства в период Павловской сессии, когда отечественная психология смогла отстоять свою независимость от физиологии высшей нервной деятельности.

Как и когда возникло это единство? Какие механизмы и условия, несмотря на ограничения послереволюционного и послевоенного времени, определили активное становление единой советской психологической школы? По мнению В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника и Б. Н. Тугайбаевой, контуры психологической школы «были в основном очерчены к концу 30-х гг., когда завершается обоснование основных принципов и категорий психологии, путей и стратегий исследования психической реальности» (Психологическая..., 1997, с. 101). Однако начало становления этого единства, очевидно, может отсчитываться с 1917 года, когда началось организационное оформление советской науки. Уже в ноябре 1917 г. был создан Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос); в декабре в его составе был выделен Научный отдел (с 1922 г. — Главное управление научными и музейными учреждениями (Главнаука)) (Павлова, 1969; Макеева, 1969). О развитии психологической науки в первые послереволюционные годы свидетельствует открытие новых институтов по проблемам психологии, а также психологических журналов «Психологическое обозрение», «Вестник психологии, кри-

минальной антропологии и педологии» и др. Условия становления советской психологии имели комплексный характер. Проявлялось действие предметно-логических, личностных и социальных факторов. Одним из ее ключевых механизмов, обусловивших формирование методологического единства, стали дискуссии — обсуждения спорных вопросов, проблем научного исследования.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Философско-научные основы изучения проблемы

Роли дискуссий в развитии науки посвящено множество науковедческих исследований. Значительное внимание уделяется ей в постпозитивистских концепциях науки. Автор концепции критического рационализма и принципа фальсифицируемости К. Поппер рассматривает дискуссию как неотъемлемый компонент науки. Основное значение критической дискуссии он видит не в результате, а в процессе организации научного познания: дискуссии обеспечивают процесс фальсификации сложившегося знания на пути к более правдоподобному. Условием «правильного» метода критической дискуссии Поппер считает не оправдание теории, а определение ее следствий и степени их приемлемости (Поппер, 1983). Продолжая линию работ К. Поппера, И. Лакатос предлагает «утонченный фальсификационизм» и связывает прогресс науки с появлением теорий, способных не только объяснить полученные контрпримеры, но и предсказать новые факты (Лакатос, 2003). В качестве движущего механизма развития научного знания он определяет конкуренцию различных концептуальных подходов и их постоянный сдвиг под влиянием аномальных опыт-

ных фактов. В структуре научно-исследовательской программы И. Лакатос выделяет стабильные и изменчивые элементы — «ядро» и «защитный пояс». Именно защитный пояс развивается в ходе дискуссий, накапливая контраргументы и интерпретации основных положений ядра в ответ на критические замечания.

Автор концепции эпистемологического анархизма и принципа пролиферации П. Фейерабенд также настаивал на целесообразности построения как можно большего числа альтернативных теорий, несовместимых с существующими и признанными (Фейерабенд, 1986). За их борьбу, взаимодействие и отсев отвечает научная критика, осуществляемая каждым ученым с позиций собственной теории, а не универсальных норм научности. Более конструктивное значение придается социальному аспекту научной критики в концепции научных революций Т. Куна (Кун, 2001). Им предложены стадии развития науки — допарадигмальная, парадигмальная и стадия экстраординарной науки (научная революция). Дискуссии или конкуренция парадигм рассматриваются как естественный аспект функционирования науки, социальный по происхождению. Они характерны для этапа научных революций и являются одним из факторов выдвижения новой парадигмы, становления парадигмальной науки. Таким образом, если в концепции П. Фейерабенда дискуссии «ограничивают» ученого как субъекта в его влиянии на развитие науки, то в работах Т. Куна — сопровождают процесс объединения ученых вокруг новой парадигмы, становления коллективного субъекта научного познания.

В целом постпозитивисты видят ценность научных дискуссий в обеспечении динамики, прогресса науки. При этом основное значение дискуссий они обнаруживают не на начальном этапе научного познания, а на более поздних этапах — конкуренции и уточнения науч-

но-исследовательских программ. Иначе говоря, дискуссии выступают на передний план на этапе не индивидуально-творчества, но коллективного. Для К. Поппера участие других ученых обеспечивает построение и проверку логических следствий. Для П. Фейерабенда значение научного сообщества сводится к критическому осмыслению и отсеvu научных теорий. Если в работах К. Поппера и П. Фейерабенда дискуссии выступают скорее в форме критики, в том числе самим исследователем, то Т. Кун и И. Лакатос рассматривают, прежде всего, социальный, межличностный аспект реализации дискуссий. Т. Кун подчеркивает значение социального пространства научной деятельности, дискуссий как неотъемлемого условия деятельности научного сообщества. Подход И. Лакатоса вскрывает механизм участия дискуссий в выработке защитного слоя исследовательской программы. Таким образом, в постпозитивистских концепциях находят отражение и предметно-логический, и социальный аспекты участия дискуссий в развитии науки. Обращение к анализу научных дискуссий является следствием изучения реальной истории науки, предприняемого постпозитивистами. Поэтому и более детальная разработка проблемы научных дискуссий связана с историко-научными исследованиями.

Обращение к конкретным дискуссиям позволяет провести их классификацию, определить позитивные и негативные эффекты для развития науки, вскрыть механизм участия дискуссий в обеспечении прогресса науки (Кедров, 1986; Кольцова, 2001; Микулинский, 1986; Ярошевский, 1968). На основе анализа науковедческих работ можно говорить о таких позитивных результатах дискуссий, как создание творческой атмосферы, обеспечение условий для интенсивного изучения обсуждаемой проблемы, сосредоточение на смысле и перспективах разработки этой

проблемы, уточнение методов и направлений исследования. Среди негативных эффектов можно назвать нарушение этики научного взаимодействия, «тормозящее» воздействие на развитие науки теорий, завоевавших авторитет в ходе дискуссий, и т.д. (Кузнецов, 1986).

1.2. Историко-научные основы изучения проблемы

В целом дискуссию можно рассматривать как универсальную характеристику науки, «важнейший структурный компонент научного знания, внутренний присущий науке способ ее существования и развития» (Кольцова, 2001). В. А. Кольцова считает научную дискуссию адекватной моделью развития психологического знания в целостности его логико-научного, социально-исторического, субъектно-личностного и организационно-научного аспектов, а также возможной единицей историко-психологического исследования. Отдельного внимания заслуживает мнение автора о перспективности изучения стоящих за дискуссиями глубинных, латентных переменных — тенденций развития знания и традиций, сложившихся в рамках научной школы.

Однако, несмотря на универсальное значение дискуссий в развитии науки, механизм их возникновения имеет, прежде всего, социальные основы. Рассматривая генезис научных дискуссий, М. Г. Ярошевский видит в «спорах о приоритетах и собственной правоте действия не генетического или индивидуально-психологического, а социального механизма, выработанного научным сообществом и призванного подвигнуть его членов на то, чтобы отстаивать новое знание, еще не ставшее всеобщим достоянием» (Ярошевский, 1986, с. 27–28). Этот механизм реализуется не только в ходе открытых обсуждений, но и скрытой в сознании ученого полемике с коллегами —

членами его «оппонентного круга» (Ярошевский, 1983).

С. Р. Микулинский заостряет внимание на зависимости научных дискуссий от определенных социально-исторических условий, в которых они разворачиваются, и теснейшей связи с борьбой мировоззрений, которую они реализуют (Микулинский, 1986, с. 4). На современном этапе развития познания — большой науки — особое значение приобретают дискуссии между научными коллективами, школами. Такого рода дискуссии, по мнению Л. В. Чесновой, приводят к следующим результатам: а) решению или ускорению решения той или иной проблемы; б) внедрению новых методов, подходов для разработки возникающих или уже возникших стыковых проблем, направлений, дисциплин; в) выявлению и постановке уникальных комплексных задач, направлений, обуславливающих возникновение новых, комплексных дисциплин; г) дискуссионное объединение специалистов (Чеснова, 1986). Формирующаяся в итоге «теория, кажущаяся на первый взгляд детищем чуть ли не одного ученого, в действительности оказывается результатом коллективных усилий, без учета которых нельзя понять процесс ее формирования» (Визгин, 1986, с. 120). Сама дискуссия выступает как «организующий фактор в образовании научного сообщества — своеобразного творческого коллектива с ограниченным временем существования» (Чеснова, 1986, с. 192).

2. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Будучи характеристикой динамики научного познания, дискуссии могут рассматриваться как индикаторы значимых этапов развития психологии. Так, в истории отечественной психологии существу-

ет значительное количество работ, в той или иной степени обращающихся к дискуссиям. Их анализ позволяет представить условия протекания дискуссий и их значение для истории науки. Основные отечественные монографии, посвященные истории советской психологии, включают соответствующие главы и параграфы. А. А. Смирнов (1975), представляя пути развития советской психологии, рассматривает теоретические дискуссии конца 20-х — начала 30-х гг. Описывая развитие теории общей психологии в СССР, А. В. Петровский (1984) определяет основные направления критических дискуссий в главах «Психология как наука о поведенчестве», «Марксистская критика фрейдизма и других субъективистских течений в психологии», «В борьбе за марксистское понимание предмета психологии». В коллективной монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» (1997) представлены методологические дискуссии 20–30-х годов в советской психологии. Монография С. А. Богданчикова посвящена дискуссии между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым, имевшей место в 1923–1927 гг. В качестве основных дискуссий, рассматриваемых различными авторами, выступают дискуссия о предмете психологии 20-х гг., рефлексологическая (1929) и реактологическая (1930) дискуссии, дискуссии, связанные с Павловской сессией (1950).

2.1. С. А. Богданчиков о дискуссии между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым

Первой дискуссии посвящена кандидатская диссертация С. А. Богданчикова и его монография «Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов» (2000). Дискуссия определяется

автором как центр, «стержень» широко-масштабной полемики о значении марксизма для психологии и возможностях построения марксистской психологии. Этот конкретный случай истории советской психологии 1923–1927 гг. позволяет уточнить противоположный характер требований, предъявляемых в ходе научных и идеологических дискуссий. С позиций Г. И. Челпанова дискуссия представляется скорее как научная, а с позиций К. Н. Корнилова — как идеологическая. В своих статьях и выступлениях, прежде всего на 1-м и 2-м Всероссийских съездах по психоневрологии в 1923 и 1924 гг., Корнилов настаивал на необходимости построения марксистской психологии и пытался определить ее методологические основы. При этом ученый обнаруживал невысокий научный уровень понимания проблемы «психология и марксизм» как в плане психологии, так и в плане марксизма и философии вообще, неустойчивость, противоречивость и необоснованность взглядов практически по всем вопросам дискуссии, неявный отказ в ходе дискуссии от своих исходных представлений и переход на позиции, фактически совпадающие с челпановскими, и т.д. (Богданчиков, 2000, с. 207). Богданчикову даже приходится признать, что Г. И. Челпанов был полностью прав, выступая с критикой такого марксизма и такой психологии, с точки зрения которых выступал в ходе дискуссии К. Н. Корнилов. Вместе с тем автор замечает, что дело было не только в К. Н. Корнилове, его интеллектуальных возможностях, психологической и философской эрудиции.

Уровень развития и понимания марксизма в СССР в то время, необходимость усвоения марксистских идей десятками тысяч людей, ранее никак не сталкивавшихся с марксизмом, — все это неизбежно приводило к упрощению всего марксизма, его огрублению и вульгаризации при попытках понять и применить

на практике в качестве революционного учения. С. А. Богданчиков считает «общественную поддержку» важным фактором, позволившим К. Н. Корнилову одержать победу. Более того, ссылки на «общественную поддержку» в советских историко-психологических работах автор называет эвфемизмом, за которым реально стояла политика партийно-государственного аппарата власти в области науки. С. А. Богданчиков приводит цитаты со страниц «партийных» периодических изданий «Правда» и «Известия» о заседаниях и резолюциях съезда (Богданчиков, 2000, с. 131). Стиль выступлений Корнилова был характерным для той эпохи. Не только он, но и другие члены научного сообщества, участвовавшие в дискуссии о возможности построения марксистской психологии, использовали образные, хлесткие, вычурные слова. В частности, С. А. Богданчиков приводит слова А. Б. Залкинда из научной заметки о работе съезда: «Доклад Корнилова на съезде и все прочие выступления по вопросу об идеологической ревизии психологии приходится рассматривать как первичный, зародышевый этап марксистского штурма на последнюю твердыню мистицизма и метафизики. Конечно, нет оснований думать, что бой кончится скоро» (там же, с. 137). Так научные дискуссии приобретали характер идеологических.

Иной характер имела дискуссия, направляемая Г. И. Челпановым, занимавшим более обоснованную в методологическом плане позицию. Богданчиков называет следующие ее черты: «анализ марксизма с точки зрения психологии, а не психологии с точки зрения марксизма; оценка марксистских идей в том виде, как они конкретно представлены в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, Н. И. Бухарина, В. И. Ленина и т.д., а также у сторонников марксизма в психологии, прежде всего К. Н. Корнилова; ясное различие двух плоскостей анализа —

эмпирической (собственно психологической) и метафизической (философской); утверждение о независимости психологии как самостоятельной эмпирической науки от какой бы то ни было философии или идеологии; стремление к нахождению точек соприкосновения и взаимопонимания психологии и марксизма в области философских, теоретических и прикладных проблем, имеющих как в психологии, так и в марксизме; признание возможности и необходимости применения и разработки марксизма в качестве особого, марксистского метода в области социальной психологии» (Богданчиков, 2000, с. 207–208). Более того, С. А. Богданчиков отдает Г. И. Челпанову «приоритет в деле реальной, содержательной разработки проблемы “психология и марксизм” (а не в выдвижении декларативных заявлений и лозунгов)» перед К. Н. Корниловым (там же, с. 208).

Однако не методологические, а социальные факторы определили исход дискуссии для Челпанова. 8 марта 1923 г. Коллегия Института научной философии РАНИОН приняла решение о нежелательности и недопустимости работы Г. И. Челпанова и других идеалистов в институте. Через полгода ему было предложено сдать руководство институтом К. Н. Корнилову. Задаваясь вопросом о причинах увольнения Г. И. Челпанова, С. А. Богданчиков считает необходимым выйти за пределы науки и увидеть за внедрением марксизма в психологию глобальный процесс формирования новой государственной идеологии и ее проникновения под флагом марксизма во все сферы общества. В этом контексте независимо от фактического исхода дискуссии К. Н. Корнилов, «проникнутый идеями коммунизма (и в этом смысле подлинный марксист), априорно “по определению” оказывался (точнее, объявлялся) победителем в споре с Г. И. Челпановым — представителем “буржуазной науки”» (Богданчиков, 2000, с. 140).

На основе представленных С. А. Богданчиковым материалов и позиций, можно сделать вывод о победе Г. И. Челпанова в научной дискуссии, а К. Н. Корнилова — в идеологической. В ходе историко-научной реконструкции и теоретического анализа дискуссии автор приходит к выводу об утверждении марксистских идей в психологии с помощью ненаучных и ненаучных аргументов и мер административного, организационного, идеологического и политического характера. Вместе с тем, дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым определяется Богданчиковым как некая точка отсчета, давшая исходный «строительный материал» для последующих разработок марксистских идей в рамках концепций Л. С. Выготского (см.: Богданчиков, 2007), С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева.

2.2. Е. А. Будилова о дискуссиях в советской психологии

Наиболее подробно на характеристике дискуссий в советской психологии останавливается Е. А. Будилова. В работе «Философские проблемы советской психологии» (1972) автор представляет основное содержание и результаты дискуссий, имевших место в советской психологии в периоды 1917–1931, 1931–1945, 1945–1971 гг. Отдельная глава посвящается дискуссиям о природе психического, предмете и методе психологии на первом из названных этапов. Имевшие место в это время дискуссии Будилова объясняет условиями кризиса в мировой психологии. Достижения советских ученых связываются, прежде всего, с пониманием того, что причиной кризиса выступило отсутствие единой общепризнанной системы науки (Л. С. Выготский), и построением диалектико-материалистической психологической теории (С. Л. Рубинштейн). Соответственно и дискуссии

представляются как формы коллективного научного решения проблем предмета и метода психологии, формирования методологического единства советских психологов. Их результатом стало объединение психологов-материалистов против идеалистической психологии, «взгляд на психику как свойство мозга и требование отказа от субъективного метода в пользу объективного» (Будилова, 1972, с. 72). Вместе с тем советская психология еще не могла решить проблемы, вскрытые в ходе реактологической и рефлексологической дискуссий. Главными из них Е. А. Будилова считает механистические тенденции в психологии, связанные с поверхностным знакомством с трудами И. М. Сеченова и И. П. Павлова и нерешенностью философских проблем психологии.

Историю советской психологии в период 1931–1945 гг. Е. А. Будилова рассматривает в связи с социальными задачами завершения реконструкции народного хозяйства, развития промышленности, колхозов, перестройки обучения в начальной, средней и высшей школе. Эти задачи ставили перед психологией новые требования — развития ее теории на основе марксистской методологии и оказания практической помощи социалистическому строительству. Однако «слабость теоретической оснащенности» и методологические ошибки на фоне проникновения в науку догматизма и администрирования обусловили критические дискуссии в отношении психотехники и педологии. Но если в начале 1930-х гг. целью дискуссий был пересмотр проблем психологии для ее дальнейшего развития, то уже ко второй половине десятилетия критика педологии и психотехники была нацелена на их ликвидацию (Будилова, 1972, с. 107–112).

Несмотря на эти условия, продолжались методологические исследования проблем общественно-исторической обусловленности психики, сознания и деятельности; развивались и формулирова-

лись теоретические принципы марксистской психологии. Значительный вклад был сделан Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, А. А. Смирновым, Б. Г. Ананьевым, Б. М. Тепловым и др. В 1940 г. выходит книга С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», обобщающая материал экспериментальных и теоретических исследований советских психологов. В результате во второй половине 1930-х и в 1940-е годы формируется теоретическое единство отечественных психологов, основанное на признании общей задачи построения новой, марксистской психологической теории. «Возникновение и развитие научных школ происходит внутри указанного единства и не вступает с ним в противоречие. Во всей своей совокупности эти направления или школы противостоят всей зарубежной немарксистской психологии общностью своих философских исходных позиций» (Будилова, 1972, с. 119). Положение о связи сознания и деятельности выступает итогом борьбы идей предшествующих лет, объединяющим всех советских психологов.

Начало третьего этапа отсчитывается Е. А. Будиловой с года окончания Великой Отечественной войны. Среди социальных условий развития психологии в этот период отмечаются усиление идеологической работы и волна дискуссий по проблемам философии, биологии, физиологии, языкознания, политической экономики в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Для истории психологии особое значение имели организованное в 1947 г. обсуждение второго издания «Основ общей психологии» С. Л. Рубинштейна и Павловская сессия 1950 года. В целом Е. А. Будилова оставляет в стороне идеологическую подоплеку дискуссий и рассматривает их с позиции актуальных задач психологической теории, таких как решение вопросов о характере связей психического и материального мира, о детерминации психики, о взаимоотношении физиологических

и психических закономерностей, о социальной обусловленности психики, о соотношении наук, изучающих эти закономерности. Важнейший результат имевших место дискуссий, в том числе дискуссии о взаимоотношении физиологического и психического, а также дискуссии о способностях, по мнению автора, состоит в постановке проблем дальнейших исследований, прежде всего, проблемы взаимоотношения природного и социального. По словам Е. А. Будиловой, эта проблема, «возбуждая все новые споры, сосредоточивает силы представителей разных наук о человеке, и эта разносторонность, включающая борьбу противоречивых взглядов, направляет и движет новые научные поиски» (Будилова, 1972, с. 328).

Таким образом, если на первом этапе, выделяемом Е. А. Будиловой, дискуссии выступали как условие свободной конкуренции теорий в определении перспектив развития советской психологии, то на втором этапе они становятся средством освобождения, очистки отечественной психологии от немарксистских, буржуазных подходов. На третьем этапе дискуссии рассматриваются как естественный атрибут становления психологической науки, определения ее философских основ и перспективных направлений исследования, а также формирования методологического единства ученых.

2.3. А. А. Смирнов и А. В. Петровский о дискуссиях в психологии 1920-х — начала 1930-х гг.

В историко-психологических работах А. А. Смирнова и в работах советского периода научной деятельности А. В. Петровского дискуссии описываются в связи с характеристикой первого периода (по Е. А. Будиловой), то есть периода 1920-х — начала 1930-х годов. Правда, А. В. Петровский замечает, что «период реактологиче-

ской дискуссии вместе с тем открывает собой эпоху построения диалектико-материалистической психологии» (Петровский, 1984, с. 138). Таким образом, реактологическая дискуссия становится характеристикой скорее второго периода, когда, согласно Е. А. Будиловой, произошло развитие и укрепление целостности единого научно-психологического подхода. Дискуссии 1920–1930-х гг. представляются А. А. Смирновым и А. В. Петровским в свете борьбы с идеализмом дореволюционной психологии и в связи с решением задачи построения марксистской психологии. А. В. Петровский говорит о необходимости «разрушения традиционной психологии, которая являлась опорой и последним пристанищем идеализма и метафизики», «разоружения» представителей эмпирической психологии (Г. И. Челпанов, А. П. Нечаев, Ю. Ю. Португалов и др.), объективной психологии как науки о поведении (В. М. Бехтерев, П. П. Блонский, В. М. Боровский и др.) (Петровский, 1984). Приводятся примеры обсуждения реактологии, рефлексологии, фрейдизма, адлеризма, персонализма В. Штерна, кречмеризма, гештальтпсихологии, биогенетизма и многих других направлений. А. А. Смирнов называет борьбу с идеалистической психологией и ее видным представителем Г. И. Челпановым основным направлением теоретической борьбы в психологии 1920-х гг. (Смирнов, 1975). В конце 1920-х — начале 1930-х годов на первый план выходит борьба с механистическими взглядами, представленными рефлексологией В. М. Бехтерева, реактологией К. Н. Корнилова, работами некоторых отечественных сторонников американского бихевиоризма и, в меньшей степени, культурно-исторической теорией Л. С. Выготского.

Несмотря на имевшуюся общность цели, — построения марксистской психологической науки, — А. В. Петровский и А. А. Смирнов отмечают существовавшие

среди психологов разногласия по ряду теоретических вопросов. В качестве условия их разрешения и преодоления методологического кризиса выступили дискуссии. В частности, важнейшим фактором развития психологии А. В. Петровский называет идейно-научную критику и самокритику. При этом автор не разводит идеологический и научный аспекты критики. Как ее результат определяется дифференциация психологических школ, выделение ведущих кадров советских психологов и создание реальных предпосылок для выхода психологии из методологического кризиса. Значение реактологической и рефлексологической дискуссий А. В. Петровский видит в ознаменованном ими повороте научной психологической теории: советская психология в результате дискуссий «порвала» с остатками идеализма и механицизмом в понимании предмета психологии (Петровский, 1984, с. 134).

Конструктивными результатами имевших место в конце 1920-х — начале 1930-х гг. дискуссий А. В. Петровский и А. А. Смирнов считают: 1) выявление основных ошибок представителей отдельных течений; 2) изменение взглядов отдельных представителей осужденных научных направлений, в частности, рефлексологов Б. Г. Ананьева, В. Н. Мясищева, А. Л. Шнирманна и др., в дальнейшем внесших ценный вклад в построение советской психологической науки; 3) поворот от дореволюционной идеалистической психологии к марксистской психологии; 4) сплочение вокруг марксистско-ленинского учения; 5) побуждение к значительно более широкому и основательному овладению марксистско-ленинской теорией; 6) определение путей решения первостепенных проблем психологической науки с позиций диалектико-материалистической философии. Называются и негативные аспекты дискуссий. В частности, А. А. Смирнов отмечает, что «отдельные критические выступления

и возражения, направленные против ряда советских психологов, в дискуссиях конца 1920-х — начала 1930-х годов не всегда были достаточно обоснованы и справедливы» (Смирнов, 1975, с. 184). А. В. Петровский полагает, что участники дискуссий «не были свободны от субъективизма в оценке отдельных деятелей психологической науки и, случалось, подменяли конкретный анализ теоретических воззрений приклеиванием того или иного ярлыка», допускали «полемические резкости» (Петровский, 1984, с. 138). В целом, обсуждение проблем рефлексологии и реактологии, основных результатов теоретической работы советских психологов, в частности И. Н. Шпильрейна, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна и др., оцениваются авторами как объективный, неотъемлемый компонент организации научной деятельности.

3. ПРОБЛЕМА НАУЧНЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

3.1. Научные и идеологические дискуссии 1920–1930-х гг.

Уже в постсоветских публикациях А. В. Петровского, В. А. Кольцова, В. В. Умрихина, С. А. Богданчикова значительный вес приобретает трактовка дискуссий в советской психологии как вынужденной, обусловленной политическими и административно-командными факторами традиции. В. А. Кольцова продолжает исследование истории отечественной психологии через анализ научных дискуссий, начиная с Е. А. Будиловой. В коллективной монографии «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории» дается глубокий анализ научных дискуссий как механизма социально-психологической детерминации развития психологии. Методологические дискуссии 1920–

1930-х годов и послевоенного периода рассматриваются в связи со становлением единого подхода в советской психологии (Психологическая..., 1997). Определяются социально-идеологические условия проведения дискуссий в советской науке: острая классовая борьба, ограничения демократии, укрепление тоталитарных тенденций, становление режима культа личности И. В. Сталина. В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник и Б. Н. Тугайбаева делают существенное замечание о влиянии административно-командного стиля управления в тоталитарном государстве на особенности научного взаимодействия: научные дискуссии утрачивают творческий и приобретают идеологически-оценочный характер. Таким образом, авторы говорят об идеологических дискуссиях. Идеология диктовала науке объект, предмет, метод, цель исследований. Она же определяла основной критерий ценности научных теорий — соответствие марксистским идеям и принципам. Отдельно затрагивается проблема идеологического давления на психологическую науку. Поспешное идеологическое вторжение в психологию авторы объясняют противоречием психологических ценностей творческого, глубоко индивидуального отношения к миру, формирования активной жизненной позиции — ценностям тоталитарного режима, стремящегося к подавлению личности и унификации ее поведения.

Дискуссии рассматриваются как форма инициированной сверху, идеологической ревизии разных психологических направлений, школ и течений. Несмотря на решение в их ходе методологических задач, predetermined итогом было закрытие научных направлений. В частности, дискуссия по рефлексологии, проведенная методологической секцией Общества рефлексологии, неврологии, гипнотизма и биофизики 4 мая — 10 июня 1929 г., характеризуется как научное обсуждение со всеми присущими ему харак-

теристиками: анализом и сопоставлением научных данных, опорой на фактологический материал, использованием системы аргументов, вытекающих из природы исследуемого явления, оценкой различных подходов и позиций и т.д. В центре внимания дискуссии был широкий круг проблем, касающихся предмета рефлексологии, ее связей с другими науками, отличия от бихевиоризма, особенностей используемых методов и т.д.

Однако окончательные итоги рефлексологической дискуссии были подведены в ходе реактологической дискуссии, завершившейся в июне 1931 г. (Будилова, 1972; Петровский, 1984 и др.). В ее ходе «критика двух ведущих направлений сомкнулась при выяснении общей для них механистической методологии» (Будилова, 1972, с. 71). Рефлексология и реактология стали мишенями идеологической борьбы. В частности, в итоговом заключении реактологической дискуссии рефлексология характеризуется как «грубо-биологизаторское» направление, основой которого являются механистические воззрения. Помимо рассогласования итогов и хода рефлексологической дискуссии, историки психологии отмечают такой идеологический аспект дискуссии, как частые апелляции участников к общесоциальным положениям марксистского учения (Психологическая..., 1997, с. 77).

Резкой критике во время реактологической дискуссии подверглась и реактология. Независимо от озвученных замечаний, она, как и рефлексология, приносилась «в жертву новой идеологии и методологии, которая уже открыто заявляла свои права на монопольное господство в области научного мировоззрения» (Психологическая..., 1997, с. 78). Беспомощность этих направлений в ходе проводимых дискуссий авторы объясняют противостоянием двух иерархически несопоставимых оппонентов — ученых, представляющих свою концепцию, с од-

ной стороны, и государственно-идеологической системы, с другой. Проводимые дискуссии становились поводом и основанием для внедрения новых принципов построения науки — партийности, борьбы с чуждыми марксизму идеалистическими подходами, критического анализа буржуазных концепций.

Таким образом, материал дискуссий 1929–1931 гг. позволяет В. А. Кольцовой и соавторам конкретизировать критерии разделения научных и идеологических дискуссий. Среди них: а) характер выдвигаемых в центр обсуждения идей; б) острота суждений и наличие идеологических оценок; в) свобода обсуждения или подмена априорно заданными сентенциями; г) характер результатов и последствий (применение идеологических и административных санкций по отношению к «провинившимся» направлениям, в том числе свертывание разработок, переориентация научных центров, смена их руководителей) (Психологическая..., 1997, с. 80–81). Соответственно, рефлексологическая дискуссия, хотя и имела идеологические последствия, классифицируется как научная, а реактологическая — уже как идеологическая.

3.2. Научные и идеологические дискуссии 1940–1950-х гг.

Существенный вклад в конкретизацию представлений о роли дискуссий в развитии отечественной психологии В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник и Б. Н. Тугайбаева делают в параграфе «Психология и физиология: дискуссии после Великой Отечественной войны» (Психологическая..., 1997). В своей оценке имевших место дискуссий они следуют позиции Л. Грэхема, оценивающего Павловскую сессию как одну из самых мрачных страниц истории советской науки послевоенного периода (Грэхем, 1991). Она была организована Академией

наук СССР и Академией медицинских наук СССР 28 июня — 4 июля 1950 г. Формально главной задачей сессии было «вскрыть недостатки, мешающие дальнейшему плодотворному развитию идей Павлова» (Быков, 1953, с. 328). Однако В. А. Кольцова и соавторы представляют возникшие дискуссии как заранее подготовленную разгромную критику избранных жертв. Инициатива проведения сессии принадлежала партийному лидеру И. В. Сталину, давшему соответствующее поручение Г. М. Маленкову, Ю. А. Жданову и Е. И. Смирнову (Ярошевский, 1994, с. 77). Было обозначено эталонное, единственно верное учение (учение Павлова об условно-рефлекторном характере высшей нервной деятельности), определены основные «отрицательные герои» (Л. А. Орбели, П. К. Анохин, А. Д. Сперанский и др.) и «положительный герой» (К. М. Быков). Несмотря на то что на сессии речь шла в первую очередь о физиологической науке, она затрагивала вопрос о возможности существования психологии как самостоятельной научной дисциплины. В этой сложной обстановке психологам необходимо было найти путь, позволяющий избежать как сведения психического к физиологическому, так и обособления психического от физиологического. Психология была поставлена перед необходимостью совершить поворот к павловской физиологии, восстановить преемственность с сеченовскими идеями. Работы середины и конца 1950-х годов свидетельствуют о большой и плодотворной работе по уяснению взаимосвязи психологии и физиологии (Психологическая..., 1997, с. 129). Как итоговое событие дискуссии авторы представляют Всесоюзное совещание по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии АН СССР, АМН СССР, АПН РСФСР и Министерства высшего и среднего образования СССР и России в мае 1962 г.

В целом, итогом совещания явилось признание возможности дополнения павловского учения новыми идеями и теориями в области физиологии и психофизиологии. Принципиально по-новому решены вопросы о предмете психологии и физиологии высшей нервной деятельности: было признано, что эти две науки имеют дело с одним и тем же объектом — высшей нервной деятельностью как функцией мозга, но с разными предметами — психологическим или физиологическим аспектами этой деятельности.

Подводя итоги анализа дискуссий, развернувшихся в ходе и в связи с Павловской сессией, авторы приходят к выводу о ее положительной роли в разработке методологических оснований психологии, появлению новых психофизиологических подходов и теорий, определению специфических методов изучения психических явлений. Главным же итогом проведенной работы было то, что отечественным ученым удалось отстоять независимость психологии от претензий физиологии высшей нервной деятельности. Авторы не делают вывода о преобладании идеологического или научного характера дискуссий. Однако на основе представленных данных дискуссии во время Павловской сессии в целом можно классифицировать как идеологическую.

При описании Павловской сессии Е. А. Будилова, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник и Б. Н. Тугайбаева сосредотачивают свое внимание на методологическом и отчасти организационном аспектах протекания дискуссий, избегая оценок идеологического аспекта. На идеологических причинах и целях Павловской сессии заостряет внимание М. Г. Ярошевский. Автор объясняет их сталинскими идеологическими установками 1940-х гг. в отношении науки в целом (Ярошевский, 1991). В свете начинающейся борьбы с «космополитизмом» павловские идеи провозглашались нова-

торскими, выросшими на русской почве, не зависящими от истории развития мировой науки. Ложное понимание самобытности отечественной науки, отражавшее сталинские установки, вело к исторически недостоверному, а практически крайне опасному ее отрыву от мировой. Вместе с тем многие положения Павлова, повлиявшие на прогресс мировой науки, долгое время пребывали в забвении на родине (там же, с. 27).

«Техника» проведения дискуссий переносилась из подвалов НКВД, «особых совещаний» и закрытых заседаний Военной коллегии Верховного Суда в сферу отношений между учеными. О сходстве с той «методологией», которая применялась при организации политических процессов, по мнению М. Г. Ярошевского, свидетельствует следующее обстоятельство: «Из ученых, признанных врагами предписанного свыше понимания того или иного направления, сколачивались “группировки”, хотя между этими учеными никакой близости — ни идейной, ни личной, и не могло быть. Создавались своего рода “блоки”, включавшие тех, кто подлежал разоблачению. Нечто подобное, как известно, наблюдалось и в случае “комплектования” различных блоков-групп в виде вредителей, террористов и шпионов в период “Шахтинского дела”, “Промпартии”, “троцкистско-зиновьевского”, “правотроцкистского” блоков и т.п.» (там же, с. 22).

Таким образом, дискуссии по вопросам павловского учения рассматриваются М. Г. Ярошевским, прежде всего, в идеологическом аспекте. Они были заранее спланированы и подготовлены. В их ходе использовались те же средства репрессивного подавления, что и в других сферах общественной жизни страны. Во время Павловской сессии в полной мере был задействован аппарат репрессивного подавления науки. Его формированию предшествовали десятилетия выработки форм

и реализации репрессивной политики в отношении психологии. В частности, В. В. Умрихин при анализе хода и условий дискуссий, имевших место при построении поведенческой психологии в СССР, приходит к выводу о том, что судьба рефлексологии и реактологии в советской России демонстрирует формирование и обкатку тоталитарной машины подавления свободного развития научной мысли (Умрихин, 1991, с. 144).

Вместе с тем научные дискуссии, будучи механизмом не только социальной, но и предметно-логической детерминации развития науки, анализируются отечественными авторами в связи с выработкой общих положений исследовательской программы советской марксистски ориентированной психологии. В ходе научных и идеологических дискуссий члены научного сообщества усвоили правила и выработали приемы конструктивного взаимодействия с представителями государственной власти. Опыт взаимодействия с инициаторами не только научных, но и идеологических дискуссий способствовал адаптации к специфическим условиям тоталитарного общества. Вряд ли можно говорить о существовании симбиоза советской психологической науки и партийно-государственного аппарата, «интенсивно взаимодействующих друг с другом и использующих доступные ресурсы для достижения своих подчас диаметрально противоположных целей», как это делает А. Ясницкий (Ясницкий, 2010, с. 102). Однако нельзя не заметить значения дискуссий для формирования навыков продуктивной научной деятельности в условиях идеологического давления и, что важнее, для объединения научного сообщества на основе общих методологических принципов.

Выводы

Анализ отечественных историко-психологических работ позволяет сде-

лать следующие выводы. В 1920-х годах построение новой психологической науки неизбежно приводило к дискуссиям о предмете и методах его изучения. Основными дискуссиями стали дискуссии о возможностях построения марксистской психологии, рефлексологическая и реактологическая дискуссии, а мишенями научно-идеологической критики — взгляды, прежде всего, Г. И. Челпанова, В. М. Бехтерева и К. Н. Корнилова соответственно. В 1930-х годах дискуссии лишь провозглашались. В действительности преобладали безапелляционные, зачастую псевдонаучные обвинения; партийными органами стимулировалась неконструктивная критика ученых и их научных позиций. Зачастую критики, прежде всего, из числа красной профессуры не владели концептуальным аппаратом своих «жертв», были глухи к их контраргументам. Часто оппонентами-обвинителями в дискуссиях выступали представители других областей знания. Самоцелью организуемых дискуссий становилось не постижение истины, а разгромная критика. Перед их организаторами стояли исключительно деструктивные задачи: обвинить, уличить, дискредитировать, сломать и сломить. Вместе с тем имели место и научные дискуссии. Стимулируя научную критику и поиск, они компенсировали разрушительное и ограничивающее влияние дискуссий идеологических.

Уникальной особенностью развития советской науки являются дискуссии, инициированные правительством СС-СР, в частности Павловская сессия 1950 г. Идеологическое давление на науку, временно ослабленное в период Великой Отечественной войны, усилилось после ее окончания. Однако сформировавшееся к этому времени научное сообщество ценой определенных жертв смогло отстоять права психологии на самостоятельность и независимость от физиологии высшей нервной деятельности. Существен-

ное значение для положительного исхода имел полемический опыт, накопленный советскими учеными в ходе дискуссий 1920–1930-х годов. Сказалось сформировавшееся в их результате методологическое единство, основанное на общности понимания целей, предмета и методов советской марксистской психологии.

Идеологические дискуссии, постепенно набравшие силу в советской науке, могут рассматриваться как один из приемов административно-командного давления на науку. Среди других приемов в этом ряду можно назвать умалчивание научных и философских достижений, искажение основных научных идей, приписывание негативных последствий практическому применению научных разработок. Однако неправомерно говорить о том, что влияние идеологических дискуссий имело для советской психологии исключительно негативные последствия. Одним из итогов идеологизированного административно-командного контроля науки стала конкретизация предмета и методов научного психологического познания. Отдельные ученые и исследовательские коллективы работали над построением единой советской философски фундированной психологии. Выработанные в ходе дискуссий ограничения фокусировали внимание множества самобытных исследователей на решении общих проблем. Фасилитирующая функция дискуссий проявилась в сужении поля научного поиска, в сосредоточении усилий ученых на разработке, прежде всего, философских основ марксистской психологии. Это влияние можно сравнить с действием механизма группового давления, оказываемого группой на своих членов с целью поддержания ее основных характеристик и сохранения целостности. Парадоксальность влияния идеологических дискуссий на развитие советской психологии состоит в том, что механизм научных дискуссий, реализующий прогрес-

сивный аспект научного познания, в случае идеологических дискуссий отвечал за выработку и поддержание неких устойчивых характеристик психологии в СССР, в терминах И. Лакатоса, защитного пояса исследовательской программы (подробнее см.: Артемьева, 2015).

Таким образом, во влиянии дискуссий на развитие советской психологии макросоциальный аспект неотделим от предметно-логического. История проведения научных и идеологических дискуссий в советской психологии предоставляет уникальный материал не только для изучения закономерностей участия дискуссий в динамике научного познания, но и для характеристики процесса развития отечественной психологии.

Литература

- Артемьева О. А. (2015). Социально-психологическая детерминация российской психологии в первой половине XX столетия. М.: ИП РАН.
- Богданчиков С. А. (2000). Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России.
- Богданчиков С. А. (2007). От Л. С. Выготского к Г. И. Челпанову и обратно // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 68–78.
- Будилова Е. А. (1972). Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука.
- Быков К. М. (1953). Развитие идей И. П. Павлова (задачи и перспективы) // К. М. Быков «Избранные произведения». Т. 1. М.: Государственное издательство медицинской литературы. С. 316–364.
- Визгин В. П. (1986). Роль научной дискуссии в формировании теории (на примере дискуссии о теории гравитации, 1912–1913 гг.) // Роль дискуссий в развитии естествознания / отв. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука. С. 102–120.
- Грэхем Л. Р. (1991). Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат.
- Кедров Б. М. (1986). Объективная основа научных дискуссий // Роль дискуссий в развитии естествознания / отв. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука. С. 39–52.
- Кольцова В. А. (2001). Научные дискуссии как единица анализа в историко-психологическом исследовании // История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития (III Московские встречи по истории психологии) / под ред. В. А. Кольцовой, Ю. Н. Олейника, О. Е. Серовой. М.: Социум. С. 11–13.
- Кузнецов В. И. (1986). Научные дискуссии в химии на страницах журналов // Роль дискуссий в развитии естествознания / отв. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука. С. 161–181.
- Кун Т. (2001). Структура научных революций. М.: АСТ.
- Лакатос И. (2003). Методология исследовательских программ. М.: АСТ; Ермак.
- Макеева В. Н. (1969). К вопросу о координации и планировании научно-исследовательской работы в первые годы советской власти (1917–1925 гг.) // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. Вып. 2. Л.: ИИЕТ. С. 62–69.
- Микулинский С. Р. (1986). Научная дискуссия и развитие науки // Роль дискуссий в развитии естествознания / отв. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука. С. 3–7.
- Павлова Г. Е. (1969). Из истории организации научно-исследовательских институтов Наркомпроса в первые годы советской власти (1918–1925 гг.) // Проблемы деятельности ученых и научных коллективов. Вып. 2. Л.: ИИЕТ. С. 56–61.
- Петровский А. В. (1984). Вопросы истории и теории психологии: Избр. труды. М.: Педагогика.
- Поннер К. (1983). Логика и рост научного знания. Избр. работы. М.: Прогресс.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (1997) / под ред. А. В. Брушлинского. М.: ИП РАН.
- Смирнов А. А. (1975). Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика.
- Умрихин В. В. (1991). «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука. С. 136–145.

Фейерабенд П. (1986). Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс.

Чеснова Л. В. (1986). Три этапа выдающейся междисциплинарной дискуссии // Роль дискуссий в развитии естествознания / отв. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука. С. 191–205.

Ярошевский М. Г. (1968). Иван Михайлович Сеченов. 1829–1905. Л.: Наука.

Ярошевский М. Г. (1983). Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. № 10. С. 49–62.

Ярошевский М. Г. (1986). Функция дискуссии в предметно-логическом развитии науки // Роль дискуссий в развитии естество-

знания / отв. ред. М. Г. Ярошевский. М.: Наука. С. 8–39.

Ярошевский М. Г. (1991). Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука. С. 9–33.

Ярошевский М. Г. (1994). Как предали Ивана Павлова // Репрессированная наука. Вып. II / ред. М. Г. Ярошевский, ред.-сост. А. И. Мелуа. СПб.: Наука. С. 76–82.

Ясницкий А. (2010). Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–1930-х гг. // Вопросы психологии. № 3. С. 101–112.